

«Старшая сестра»
в Театре имени
А. Н. Островского

ДЕРЗАНИЕ И УВЛЕЧЕННОСТЬ

ПЬЕСА Александра Володина «Старшая сестра» дает широкий простор для режиссерского и актерского толкования.

Правильно, умно поставить эту пьесу нелегко — характеры в ней сложные, многогранные, внутренний мир героев выражен не в длинных диалогах, он весь — в подтексте. Особенность драматургии Володина такова, что создателям спектакля, сделав неверный шаг, легко утвердить на сцене миморное звучание.

Надо сказать, что с Московским областным драматическим театром имени А. Н. Островского этого не произошло. «Старшая сестра» верно прочтена, поставлена в оптимистическом, светлом ключе, сыграна с подлинной творческой увлеченностью.

История самоотречения девушки Нади, надолго отказавшейся от личной жизни, от мечты стать актрисой во имя счастья младшей сестры перерастает в спектакле в полный глу-

бокого смысла спор о цели жизни, о призвании человека. Он решается в напряженном, хотя внешне как будто и не очень остром конфликте между сестрами и их дядей, Уховым, человеком ограниченным, подчас мыслящим категориями дожостровского устава.

Успех спектакля в значительной мере предопределил удачный выбор актрис на роли двух сестер. И Т. Старжинская (Надя) и Т. Акулишина (Лидя) создали запоминающиеся, волнующие образы, решенные в смелых контрастах. Обе роли сложные, написанные драматургом в полноте. И все же труднее приходится Старжинской. И не только потому, что ее героиня — центральный персонаж пьесы. Если в Лиде с самого начала проявляется бунтарство, если она с первых минут появления на сцене выражает, пусть даже мало осознанный, протест против мешанины философии Ухова, то трещина во взаимоотношениях между Надей и дядей растет постепенно, от картины к картине. И актриса очень топорно передает динамику своего духовного роста, постепенное осознание долга перед собой, перед обществом.

Пожалуй, наибольшей выразительности Старжинская достигает в

сцене смотрин, когда дядя во имя обывательского «счастья» готов выдать племянницу замуж за человека, которого она до этого никогда не видела. Уже в первые минуты свидания с Волдей, которого ей насильно навязывают в мужья, внешне еще никак не выдавая своих чувств, актриса хорошо доносит до зрителя свое настроение и вместе с тем возмущение униженным положением, в которое ее поставили. И сколько страсти, сколько злой иронии и гнева в ее открытой вспышке, когда она в горестном отчаянии высмеивает «жениха»! Даже в нарочито-развязном, подчеркнуто-разухабистом танце, которым кончается эта сцена, актриса не изменяет чувство меры, она не переступает грани, за которой лежит пошлость...

В конце концов Надя, уже зрелая тридцатилетняя женщина, поняв ничтожность своей жертвенности, добивается, чтобы ее приняли в театр. В финальных сценах актриса предстает перед нами солнечная, праздничная, хотя еще порой не совсем освобожденная от своих сомнений. Неожиданной — теплой окрашены слова ее первой маленькой роли: «Доброе слово и кошке приятно...».

Тем приятнее, что проникновенным исполнением роли Лиды Т. Акулишина, недавняя выпускница Щукин-

ского училища, становится вровень с Надей — Старжинской. Порой забывавшь, что ты находишься в театре — столько искренности, непосредственности в ее игре. Поначалу избалованная сестрой, порой эгоистичная, неровная, даже взбалмошная, Лидя постепенно становится к себе строже, взыскательнее, находит даже силы разорвать с любимым, но не свободным человеком, понимая, что счастье, украденное у других, никогда не будет полным. Актриса всюду находит те точные штрихи, те выразительные нюансы, которые позволяют ей выцепить впечатляющий характер.

Дарование молодой исполнительницы особенно ярко проявилось в сцене «сватовства» старшей сестры. Ни одного слова не произносит здесь Лидя — Акулишина. Но ее молчание говорит подчас больше, чем любые многосложные фразы. Мы читаем на ее лице то боль за унижение сестры, то невольность за ее резкость, то негодование на назойливость дяди...

Ухов — третий центральный персонаж пьесы. Драматург не наделял его излишними отрицательными чертами. Дядя двух девушек, хотя и оттолкнул верными мешанства, человек добрый, по-своему любящий своих племянниц, готовый на жертвы

ради них. И его беда, а не вина, что Надя и Лидя перестают его понимать, отвергают его мироощущение. Как будто бы С. Мартынов так и истолковывает характер своего героя. Но делает это столь прямолинейно, схематично, что явно выпадает из общего ансамбля. Его Ухову, старому инженеру, ощутимо не хватает интеллекта, глубины, без которых этот образ тускнеет, становится односторонним.

В первой части спектакля М. Шаров находит для характеристики Кирилла — друга Лиды — скучные и меткие средства. К сожалению, в дальнейшем артист не удерживается на этом уровне.

Среди других запоминающихся актерских работ нужно отметить Шурку (Н. Калинин), Володю (А. Крапов), Огородникова (Л. Шерман), Колдунью (Л. Крашенинникова).

Нельзя обойти молчанием и слабые места спектакля. Его создателям не удалось преодолеть драматургическую вялость второй части пьесы: ее ключеватость, фрагментарность. Несомненный просчет — прием смены декораций при открытии занавеса. Вряд ли это уместно в такой ярко выраженной реалистической постановке.

Но не это, конечно, определяет новую работу Театра имени Островского. Спектакль «Старшая сестра» (режиссер А. Поламинен, художник Н. Сосунов) — свидетельство того, что в коллективе бьется беспокойная творческая мысль, что здесь трудятся люди, ищущие, стремящиеся идти в искусстве непроторенными дорогами.

Вик. МАРЬЯНОВСКИЙ.

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЯ

Воскресенье, 16 сентября 1962 г.

2 стр. № 218 (12964)